ЗНАКИ СУДЬБЫ

Наталья Калинина

Стеклянный омут

Наталья Калинина

Стеклянный омут

«Калинина Наталья»

2013

Калинина Н. Д.

Стеклянный омут / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья», 2013

ISBN 978-5-699-64303-5

Около старой деревни есть пруд. Обычно это тихое и красивое место, но наступает время, когда водоем вдруг превращается в ловушку.Рите предстоит пройти всего лишь в шаге от опасности. Недаром девушке снится, что она бьется под водой, не в силах преодолеть ледяную броню, сковавшую поверхность пруда, несмотря на разгар лета. Но Рита приложит все усилия, чтобы выжить самой и спасти дорогих ее сердцу людей.

ISBN 978-5-699-64303-5

© Калинина Н. Д., 2013
© Калинина Наталья, 2013

Содержание

Пролог 5
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Наталья Калинина
Стеклянный омут

Пролог

1950 год

– Стешка, ты погляди-ка только! Откуда она взялась? Отродясь в нашем озере не водилось птиц таких. – Валентина от возбуждения даже подпрыгивала на месте, рискуя опрокинуть наполненную лесными ягодами корзинку, поставленную у босых ног. – Лебедка никак! Прилетела откуда-то.

– Тише ты, тише, – шикнула на Валентину Стеша, заметив, что корзинка опасно накренилась и поползла по склону, покрытому скользкой от непросохшей росы травой, к озеру. А ну-ка просыплет ягоды, так мамка ругаться будет! Мать еще с вечера поставила в деревянной кадке тесто для ягодного пирога. Будет им сегодня за обедом радость. Если, конечно, Валька не опрокинет корзинку и не оставит всю семью без сладкой начинки. С младшей сестрой нужно быть строгой, иначе и не слушает.

– Стешк, да ты погляди, погляди, она сюда плывет али как? У-у-у, какая красавица! Вот бы потрогать!

– Как же, потрогаешь, – фыркнула Степанида. – Как ее приманишь?

– Хлебом! – не унималась младшая сестра. Сев прямо на траву, она поставила корзинку себе на колени и принялась в ней копаться.

– Тише ты, чучело! Ягоды передавишь! – зашипела Степанида и протянула руку, чтобы забрать у сестренки корзинку. Заругается мамка, как пить дать, заругается! Увидит передавленные ягоды и даст им нагоняю. Вальке – за то, что влезла лапами в ягоды, ей, Степаниде, за то, что не следила за младшей. А как она не следит? Следит! Только Валька разве слушает? Делает все, как ей на душу ляжет. Разница между ними год всего. Почти незаметно. Вот если бы годков пять… Тогда бы почитала Валька Степаниду как старшую. А то почти погодки… Ох, тяжела судьба Степаниды! Следить надо за сестрой, строгой быть. А самой-то хочется так же проказничать, как Вальке. Но мамка часто напоминает, что она, Степанида, старшая, негоже ей озорничать!

– Нету хлеба! – проворчала Стеша, забирая корзину себе. – Сама же последнюю краюху съела! Все до крошечки, забыла?

– А ягоды птицы едят? – нашлась тут же Валька, с вожделением глядя на темно-синие с сизым налетом черничные ягоды.

Птицы ягоды едят, но вот понравится ли лебедю черника, Степанида не знала. Правда, признаваться в этом Валентине не стала. Скривила губы в усмешке:

– Где это видано, чтобы лебеди чернику ели!

А Валентина, в какой уже раз, подумала о том, что было бы здорово научиться усмехаться, как старшая сестра. Чтобы вот так без слов выразить и свое превосходство, и унизить того, кому усмешка предназначена. С соседом Васькой Козловым у нее уже давно велась война. Ни дня не проходило без того, чтобы хулиган Васька не придумал, как задеть ее: то комом сырой земли в нее метнет, то крикнет что-то обидное. Валентина поначалу злилась и плакала, а потом решила сменить тактику и одаривать врага презрением. Подружка Аська считала, что Васька давно в Валю влюблен. Глупости, конечно, болтает… Но глупости-то глупостями, а грели ее такие слова. Васька, несмотря на скверный характер, был красивым. Наверное, самым

красивым мальчиком в деревне. И Валя сама не поняла, когда перестала видеть в нем только врага… Ох, как бы усмехнуться вот так, чтобы потом Васька мучился совестью, сох бы по ней, Валентине, как осенний лист. А она будет проходить мимо него гордо. И лишь вот так со значением усмехаться…

Видимо, задумалась она о своем надолго, потому что Степанида вдруг ткнула ее в бок.

– Ой, уплывает, – спохватилась Валентина, увидев, как лебедь развернулся к ним хвостом и поплыл к противоположному от них берегу озера.

– Ну а что ж ты думала, с тобой будет здороваться? Пойдем-ка домой, мамка уже заждалась.

По дороге Валька вдруг остановилась как вкопанная, так что идущая по узкой тропе за ней Степанида чуть не уткнулась ей в спину и не просыпала ягоды из корзины.

– Чего встала? – зло зашипела она в спину сестре. Но Валентина будто не услышала. Развернулась и, смешно тараща темно-синие, что та черника, глаза, страшным шепотом произнесла:

– Я знаю, кого мы видели!

– Где?

– Да на озере! Не лебедя мы видели, а Хозяйку. Саму!

– Скажешь еще – Хозяйку, – недоверчиво протянула Степанида. Но в душу закрался червячок сомнения: а вдруг и правда видели они Хозяйку?.. Откуда бы лебедю взяться? А старики сказывали, что озеро охраняет в виде лебедушки Хозяйка. Будто были окрестности давно-давно заселены злыми духами, от которых шли одни несчастья всем. И ходили эти духи в мир из преисподней, врата в которую в озере спрятаны. А с тех пор как появилась Хозяйка, мир и покой воцарились в этих местах. Да только, говорят, с Хозяйкой-лебедью тоже не все так просто…

– Давай только мамке сказывать не будем, что мы видели, – попросила вдруг Валентина. – Вдруг заругается?

– Отчего ж ей заругаться? – удивилась Степанида. – Мы же ничего не сделали. Ягоды вон принесем…

– Мамка скажет, что это все наши выдумки.

И то правда: Валентина горазда была выдумывать истории, подчас такие невероятные, что все только диву давались. Любила она сказывать их, да только мамка ругалась за «вранье». Скажи Валька сейчас, что видели они на озере лебедя, мамка не поверит и опять ругаться станет.

– Давай, – согласилась Степанида, перекладывая из одной руки в другую корзинку. – Может, не Хозяйка то вовсе была…

…Ах какой страшный сон привиделся Стеше в ту ночь! Снилось ей, будто идет она по ночной дороге в непроглядной темени в сторону леса. Якобы опять за ягодами. Но на половине пути понимает, что вовсе не за ягодами идет, и не в лес вовсе, а к озеру. И как только понимает это, необъяснимая тревога наполняет ее душу, разъедает сердце нехорошим предчувствием, выплескивается на щеки слезами. Что есть духу припускает Степанида вперед, хотя все ее существо желает повернуть назад – в дом, в теплую постель. Но она бежит, накалывая босые ноги о былинки и сбивая их о камни, но совсем не чувствует боли. Успеть бы, успеть… Вот и крутой спуск, по которому она едва не катится кувырком. В последний момент хватается за какой-то куст и спускается уже осторожно. Под ногами сырая трава, пружинящая, будто болотистые кочки. А вдалеке маячит тусклый огонек, который словно приманивает Стешу. Страшно! Но поворачивать назад уже поздно, да и тревога толкает ее в спину. Беда, ой, беда – ноет сердце. Степанида спускается к воде и видит: свет приближается к берегу – к тому месту, где стоит она. И вот уже девочка различает, что плывет к ней лебедь, от оперения кото-

рого исходит свечение, похожее на нимб. Диковина какая! Бывает ли так? И только Степанида думает, что не бывает, как замечает, что вовсе это и не лебедь, а отражающаяся возле самого берега в воде луна. Чудеса да и только! Померещится же. Степанида переводит взгляд с воды на небо и замечает, как оно черно – даже звезд не видно. Но как же тогда в воде может отражаться луна? Или она упала в озеро? Степаниде в тот момент так и думается, что луна находится не на небе, а в воде. Но развить мысль дальше она не успела, потому что вода забурлила так, будто из глубины поднимался огромный зверь. Водяная кромка озера словно приподнялась, на мгновение замерла, и вдруг вода образовала чудовищную своими размерами воронку. Крики, стоны, хохот наполнили тишину. Степанида хотела бежать от ужаса, да только ноги ее будто приросли к земле. И вдруг из той воронки кто-то протянул ей руки, а потом мелькнуло лицо с искаженными страхом знакомыми чертами. Валюшка. Ее младшая сестра Валя. Как, как она оказалась в той воронке? «Спаси меня», – послышалось ли сквозь стоны и крики, наполнившие тишину? Степанида бросается вперед, позабыв о страхах. Да только неведомая сила отталкивает ее назад. «Это ее путь», – слышит она чей-то спокойный, наполненный водным журчанием голос. «Хозяйка… Ее время пришло».

На том жутком моменте, когда воронка, взметнувшись к черному небу, опала и закрылась, хороня в себе и крики, и бледное Валюшкино лицо с написанными на нем мольбой и отчаянием, Степанида и проснулась.

– Страсти-то какие, – прошептала она, прижимая ладошку к груди, где часто-часто колотилось сердце. – Валька, спишь ты? Мне страсти какие приснились! Послушай-ка…

Она прислушалась к тишине, стараясь различить дыхание сестренки. Но, наполнившись нехорошим предчувствием, встала с постели и подошла к лавке, на которой спала Валентина.

– Валька? Спишь али…

И осеклась, когда ее руки вместо теплого плеча сестры коснулись колючей шершавости «солдатского» одеяла, натянутого на подушку.

– Валька, ты где?..

Степанида рывком откинула одеяло и убедилась, что в кровати никого нет.

Сердце заходило туда-сюда, будто маятник, от страха: а ведь сон-то ей в руку приснился. Вальке-то очень хотелось узнать, Хозяйку ли они видели днем или простого лебедя. Припомнила, что старики говорили, что Хозяйку можно увидеть ночью. Вдруг сестра и правда побежала к озеру? Страх-то какой… этот сон. Не мешкая, Степанида натянула на себя платье, не разбирая в темноте, правильно ли его надевает. На цыпочках прошла по скрипучим половицам и, выскочив во двор, что есть мочи припустила бегом. Успеть бы, успеть бы спасти Вальку. Ой, чует сердце, быть беде.

Сбивая ноги, один раз чуть не скатившись со склона, она сбежала с крутого берега к воде и, сложив ладони рупором, закричала:

– Валька, ты туточки?!

Где-то в лесу откликнулась потревоженная ее криком птица, но ничто более не нарушило тишину. Озеро казалось безмятежным, спящим. Обманчиво спокойным. Стеша приподняла подол юбки и зашла в воду по колено. Икры обожгло холодом, и это немного отрезвило девочку. А вдруг младшая сестра просто вышла ночью во двор по нужде? А она, заполошная, надумала себе всяких страстей. Ну а как тут не надумать, если приснилось такое!

– Валька? – без всякой надежды, уже успокаиваясь, покликала еще Степанида.

И вдруг ей послышался какой-то шум. И будто тоненький Валин голосок позвал:

– Стеш… Стеш…

Голос шел откуда-то со стороны. Степанида повернулась и пошла по воде туда, откуда, как ей показалось, раздался зов. Подумалось, что Валентина кличет ее из воды. Вот же негодная, и чего она ослушалась? Отругает, ох как отругает ее потом Степанида!

Неожиданно вдали появилось легкое мерцающее свечение и стало неторопливо приближаться с середины озера к берегу. Оно медленно плыло на Степаниду. И девочка, завороженная этим зрелищем, не заметила, как пошла навстречу. Она не чувствовала ни холода, ни того, что вода уже поднимается выше колен, ноги вязнут в иле, и икры опутывают стебли растений. А может, это чьи-то пальцы трогают ее за ноги? Очнулась она от испуганного оклика, раздавшегося за ее спиной:

– Стешка? Стешка, ты это? Куда ты?

Оглянувшись, она увидела, как по склону торопливо к воде спускается худенькая фигурка и машет ей руками.

– Стешка, вылезай сейчас же! Ты что ж это удумала, а? – кричала ей Валентина.

– Валька! – обрадовалась Степанида и только сейчас заметила, что стоит в воде уже почти по грудь. Что за наваждение на нее нашло? Глянув в ту сторону, откуда наблюдалось свечение, ничего она на этот раз не увидела. Не иначе как бес попутал. Да что же это и в самом деле такое? Сон такой страшный… Если бы не он, не вышла бы она из дому!

– Я возвращалась со двора домой и вдруг увидела – ты, как помешанная, выскочила и куда-то побежала. Я за тобой, кричу, а ты так быстро бежишь, что я и не поспеваю… – донесся до нее Валин голосок. – И чего в воду залезла? А ну, давай вылезай. Напугала меня как!

Степанида хотела сказать, что это еще поспорить нужно, кто кого больше напугал, но вдруг оступилась и ушла с головой под воду. И тут же руки и ноги ее будто обвили путами, не двинуться. Стеша забилась, и ей все же удалось вынырнуть, чтобы крикнуть:

– Валька!

И в этот момент кто-то с силой будто надавил ей на голову, опуская под воду.

* * *

– Лика, ты собралась?

Рита уже не скрывала раздражения. Сколько можно ждать? И вообще, что там собираться, не в двухнедельное путешествие по европам едут, а на три дня в деревню. Сама Рита давно упаковала сумку. Лика уже два часа занималась сборами – металась из комнаты в ванную и обратно, видно, и вправду собирала чемоданы, как для месячного круиза. И наверняка ведь уложила совершенно не то, что понадобится в полевых условиях: вместо кроссовок – босоножки на шпильке, вместо джинсов – короткую юбчонку, а то и не одну, а пять, вместо свитера – десяток микроскопических маек и топиков. Знаем, плавали.

– Лика?! – рявкнула, выходя из себя, Рита. Она бы так не нервничала, если бы под окном в третий раз не раздался нетерпеливый автомобильный гудок.

Из-за закрытой двери комнаты донесся грохот, будто на пол упала книжная полка, затем последовало крепкое словечко, брошенное в сердцах младшей сестрой. И через минуту на пороге появилась Лика собственной персоной.

– Ну что ты так нервничаешь? – недовольно спросила она, небрежным жестом откидывая за спину тяжелую светлую косу.

– Если тебя не поторопить, до завтра собираться будем, – сказала Рита, поднимаясь с тумбочки, на которой, будто солдат в карауле, поджидала сестру.

– А ты меня не торопи, лучше помоги, – огрызнулась Лика, королевским жестом указывая на огромную, раздувшуюся от напиханных в нее вещей, спортивную сумку. Рядом, завалившись набок, лежал пакет, откуда выглядывала лапа плюшевого медведя, с которым семнадцатилетняя Лика по-детски не расставалась.

– Что ты туда насовала? – спросила Рита, подходя к сумке. – Ну-ка, покажи!

– Еще чего! – фыркнула Лика, поднимая пакет и тем самым давая понять сестре, что сумку придется тащить той. Как старшей.

– Я это не понесу, – категорично заявила Рита. – У меня свои вещи. И на твоем месте я бы выложила все те майки-юбки-туфли, которые ты набрала «на всякий случай». Дорогая моя, этого случая не будет, потому что, напоминаю тебе, мы едем в деревню, чтобы провести три… ТРИ дня, а не месяца в полевых условиях. И тебе там понадобятся свитер, джинсы и резиновые сапоги, а при хорошей погоде – кроссовки.

– Ой, кроссовки! – всполошилась Лика и, бросив пакет на пол, помчалась в коридор. Рита закатила глаза к потолку. Может, раскрыть сумку и самой выложить все ненужное? Как же, Лика такой хай устроит! Все три дня дуться будет. И короткий отпуск – коту под хвост. Ох, оставила бы она сестрицу дома с превеликим удовольствием, чтобы отдохнуть от ее капризов и неуправляемости, но дороже выйдет: как пить дать, без надзора старшей сестры приведет своего кавалера, чтобы сделать то, о чем даже подумать страшно. И так вон только и слышно от Лики, что быть девственницей в семнадцать лет в наше время позорно. Ханжой Рита себя не считала. На работе от подрастающего поколения насмотрелась-наслушалась чего угодно. Но все же… Все же не могла свыкнуться с тем, что сестра, которую она нянчила с рождения, выросла и в голове той бродят «нехорошие» мысли. Она же еще ребенок, вон, даже плюшевую игрушку везде за собой таскает!

– Может, медведь тебя дома подождет? – насмешливо поинтересовалась Рита, наблюдая, как младшенькая пытается запихать в пакет с мишкой грязные кроссовки.

– Нет, – отрезала Лика таким тоном, что у Риты пропало желание спорить. Она знала, почему сестра не расставалась с медведем: он был для нее не просто любимой игрушкой.

Когда Лике исполнилось пять лет, Рита с бабушкой купили в подарок этого топтыгина. Новый медведь, еще не потерявший от бесконечных стирок свой насыщенно-бурый цвет, без потертостей и заплат, был изумительно красив. Шерсть блестела, взгляд пластмассовых шоколадных глаз казался таким живым, словно игрушка вот-вот заговорит. Бабушка сказала Лике, что медведя в подарок прислала мать, и украдкой попросила старшую внучку не открывать секрета. Рита до сих пор не проговорилась сестре, что подарок на самом деле был от них с бабушкой. А Лика, похоже, так и считала, что его прислала мама, хоть и знала, что той уже давно нет. И не расставалась с медведем, так как эта потертая от бесконечных объятий, зацелованная, замилованная игрушка, которой поверялись самые сокровенные мысли и секреты, свидетель громких радостей и тайных ночных слез, была для Лики невидимой связью с мамой.

Это все вспомнила сейчас Рита, и на глаза навернулись слезы. А младшая сестра тем временем уже успела сбегать на кухню за другим пакетом.

– Ох, горе ты мое, – вздохнула вполне миролюбиво Рита, берясь за ручку сумки.

– С нами Павлик поедет, – «обрадовала» вдруг Лика, когда они вдвоем, путаясь в вещах и спотыкаясь на ступенях, преодолевали последний лестничный пролет. – Ничего, что я его пригласила?

– А ничего, что надо было об этом заранее сказать? Не говоря уж о том, чтобы спросить, – буркнула Рита.

– Ну что тебе, жалко? – надулась Лика. – Будто ему места не хватит.

– Может, и не хватит. Откуда я знаю, сколько человек в машине поедет? Да и нас самих пригласили, не забывай. Учти, если машина окажется полной, Павлик не поедет. Или пойдет пешком.

– Тогда я с ним!

– Пешком?

– Останусь!

– Еще чего! – фыркнула Рита и так в сердцах, едва сдерживая раздражение на сестру, дернула сумку, что Лика не удержала одну ручку и выпустила ее.

– Потише ты, – зашипела младшенькая. – Куда рванула? Ой, Павлик!

Мгновенно забыв о сумке, Лика бросилась к выходу из подъезда, в дверном проеме которого маячила тощая и длинная, как циркуль, фигура одноклассника.

– Здрасьте, – поздоровался Павел с Ритой и смутился до багрового румянца, целиком залившего его белокожее, как у всех рыжих, веснушчатое лицо. В обществе старшей сестры Лики молодой человек отчаянно тушевался, «деревенел» и оказывался способным изъясняться лишь кивками или короткими словами типа «да» и «нет». Ну, еще бы: Рита была не просто старшей сестрой его девушки, но еще и биологичкой Маргаритой Степановной, преподававшей у Павла и Лики в классе. И хоть у молодого человека проблем с биологией никогда не было (он вообще относился к ученикам-хорошистам, а к предмету, который вела Рита, каждый раз готовился с особой тщательностью), визиты в дом Лики для него были сродни сложному экзамену. Видимо, помнил о том, что приходит в дом, где проживает не только любимая девушка, а еще и учительница. И вел себя соответствующим образом, чем сердил Лику и втайне смешил Риту. «Ну что ты, как Буратино! Деревянный какой-то! – отчитывала ухажера Лика, когда у того во время чаепития все валилось из рук: то ложка, то печенье, то чай проливался из чашки на стол. – Ритки боишься? Так она дома – Рита, а не Маргарита Степановна. Смешной какой!» Павел бормотал что-то неразборчивое и затравленно, будто напуганный лаем собак зверек, прислушивался к доносившимся из коридора шагам Риты.

Вот и сейчас он, уже протянув было длинные худые руки Лике навстречу, при виде Риты резко опустил их по швам и встал по стойке «смирно», словно солдат-новобранец перед генералом. Смешно.

– Здравствуй, Павлик, – ласково поздоровалась Рита и еле удержалась от того, чтобы не потрепать парня по морковно-рыжему, топорщившемуся на затылке вихру. Так, по-матерински. Чтобы расслабился, не пугался ее. И хотя бы дома, при Лике, переставал ее называть Маргаритой Степановной. Интересно, на пикнике при друзьях Риты он будет так же обращаться к ней, как в школе? Беда…

Но если закрыть глаза на то, что Лике бы сейчас не о свиданиях думать, а о выпускных экзаменах и поступлении в университет, уж пусть встречается с таким положительным стеснительным мальчиком, чем с каким-нибудь оторвой, двоечником и хулиганом. Что нашла Лика, симпатичная и бойкая девушка, в некрасивом тихом Павле, для Риты оставалось загадкой. Но лучше уж и правда он…

– Давайте я вам помогу, Маргарита Степановна!

– Помоги, будь добр, – усмехнулась Рита, передавая парню тяжелую сумку. – Не знаю, чего сюда твоя принцесса напихала, сумка весит тонну. Наверное, учебники, чтобы готовиться к экзаменам.

Лика громко фыркнула, а Павел принял иронию Риты на свой счет.

– Я уже подготовился к итоговой контрольной по биологии! – отрапортовал он с той же горячностью новобранца.

– Да я в тебе не сомневаюсь, – ухмыльнулась Рита и покосилась на сестру: – А вот в ней…

– Помочь? – прервал их разговор знакомый голос. Рита подняла голову и увидела Ивана. Друг, видимо, потерял терпение и вышел из машины, чтобы узнать, что случилось. Отвергая возражения Риты и Павла, Иван отобрал у них сумки, подхватив их так легко, будто были они бумажными пакетами, и понес ношу к припаркованной во дворе белой «Тойоте», в приоткрытое окно которой уже выглядывала с улыбкой его жена Татьяна.

– Вань, – нагнала шагавшего широким шагом друга Рита. И торопливо зашептала: – У тебя в машине есть лишнее местечко? Видишь, Лика кавалера позвала… А я об этом только сейчас узнала.

– А как же! – громко, так, чтобы услышала и шедшая сзади парочка, огласил Иван. – У меня на всех мест хватит! Молодец, что позвала!

С этими словами Иван оглянулся и подмигнул обрадованно заулыбавшейся Лике и бордовому от смущения Павлу.

– Я вчера съездил, отвез кое-какие вещи. Подготовил там, почистил, помыл, убрал. В общем, дворец готов к приему дорогих гостей! – продолжил Иван. Открыл багажник машины, пошурудил в нем, освобождая место для новых сумок, ловко все уставил и широким жестом пригласил:

– Занимайте места!

– А… остальные будут? – спросила Рита.

Была у этой поездки, помимо основной цели – показать ей отремонтированный дом, еще одна. И хоть об этом не говорилось в открытую, но в намеках, случайно или нарочно оброненных друзьями, проскальзывало, что Риту собираются познакомить с каким-то приятелем Ивана. «Тебе нужен хороший муж!» – категорично заявлял друг во время их нечастых чаепитий на кухне. И для верности подкреплял свои слова ударом кулака по столу так, что чашки подскакивали и чай выплескивался на блюдечки. Рита только скептически хмыкала. Искать мужа «специально» она не собиралась, а «случайно» тоже не выходило: некогда и негде. У нее забот полон рот: поднимает в одиночестве младшую сестру, пытается обеспечить им обеим сносное существование, а так как жить двум молодым девушкам на скромную зарплату школьной учительницы сложно, то приходится подрабатывать и репетиторством, и написанием статей, брать дополнительные часы в школе. Это во-первых. А во-вторых, где она может знакомиться с молодыми людьми? Работает уже пять лет в женском коллективе, дорога до школы занимает семь минут. На выставки, в кино, театры и другие культурные заведения Рита ходит очень редко из-за занятости.

И все же она была против сводничества и каждый раз отвечала решительным отказом на предложение друзей познакомить ее с кем-нибудь из холостых приятелей. Ей казалось неудобно и неприлично знакомиться вот так… специально. Странный комплекс, порожденный бабушкиным воспитанием, помноженным на собственную гордость. Замкнутый круг: случайно нельзя, а специально – стыдно. Впрочем, ей и без спутника хорошо! Когда ей бегать на свидания? У Лики вон выпускные экзамены на носу и поступление в университет! Но упрямого Ивана разве переубедишь? И вот он все чаще и чаще, не напрямую, а намеками, стал заговаривать о неком Славе – новом сотруднике в фирме. Рита поначалу не придавала значения этим разговорам, пока друг не заявил, что собирается пригласить приятеля на шашлыки. При этом Иван бросил такой многозначительный взгляд на Риту, что девушке сразу стало ясно – зовут Славу ради нее. Хотела было возмутиться, но промолчала. Что ж, с нее не убудет, познакомится она с этим новым сотрудником Ивана. Но вот получит ли знакомство продолжение, она обещать никак не может.

И все же предстоящая встреча ее нервировала. Как же неловко! Если бы Иван не бросал такие многозначительные взгляды и Татьяна то и дело не заговаривала о том, какой славный это парень – Слава! Славный Слава… Масло масляное. И самое ужасное, что придется знакомиться с ним не только под надзором Татьяны и Ивана, которые для себя уже все решили – быть Рите вместе с этим Славой, но и под ироничными взглядами Лики, а эта коза языкастая может ляпнуть что-то не к месту. С нее станется. Да еще на глазах у вечно смущающегося Павлика! Вот попала-то!

– Будут, будут остальные, – хитро ухмыльнулся Иван в ответ на ее вопрос. – Но позже. Договорились со Славкой, он прямиком на дачу подъедет.

– А, – протянула девушка, не зная, что сказать. Она бы, пожалуй, обрадовалась, если бы Вячеслав отказался от поездки. А так уже… не отвертеться.

Рита села за Иваном. Поглядывая в окно и вполуха слушая щебетание Татьяны, чувствовала, как от волнения в груди становится тесно. Будто оно, а не воздух, с каждым вдохом наполняло ее легкие. Дом, в который они ехали, раньше принадлежал Ритиной семье. Бабушка

проживала в деревне, а после рождения младшей внучки перебралась в город. Но дом еще какое-то время продолжала поддерживать в порядке, и каждое лето, до тех пор, пока Лике не исполнилось пять лет, вывозила внучек из столицы. А потом они ездить перестали. Дом приходил в запустение, рассыхался от перепадов температур, расшатывался на ветрах, выцветал и линял под солнцем и дождями. За ним не ухаживали, но и не продавали. «Умру, а вам наследство будет. Земля, поди ж, подорожает… Лучше уж хранить деньги в земле, чем в этих банках. Ну их!» Бабушка боялась продешевить, опасалась инфляций и экономических кризисов, проглатывающих сбережения. Волновалась, как бы не оставить внучек без средств к существованию, поэтому все надежды возлагала на то, что земля к тому времени, когда она умрет, станет дороже.

Так и случилось. Хоть Рита и сомневалась в том, что кто-то согласится выложить за неухоженный земельный участок с пришедшим в негодность для житья домом приличную сумму. Но случилось так, что у людей с деньгами стало модно покупать землю для строительства загородных домов. Места в той стороне, где находилась бабушкина деревня, считались красивыми и экологическими, их тоже облюбовали под коттеджи, и цены на землю резко подскочили. Иван рассказывал, что в деревне развернулось настоящее строительство: и дома, и дороги, и все блага цивилизации планировалось подвести. Одна крупная компания взяла все в свои руки. Участки выкупались по высокой цене, и на месте покосившихся деревенских избушек строились большие дорогие дома. Ни название компании, ни фамилия ее владельца – Сазонов – Рите ни о чем не говорили. Она лишь подивилась про себя дальновидности бабушки, чье скромное наследство обещало ощутимую прибыль. Только вот Рите стало жаль отдавать «старика», как она про себя называла дом, в чужие руки. Знала, что снесут и на его месте отстроят другой, который будет нахально взирать на облагороженную новыми хозяевами земли дорогу евроокнами. Конечно, какая разница, все равно в деревню ей больше не ездить, но все же Рита медлила с продажей, никак не решаясь на такое «предательство» по отношению к дорогому месту. А полтора года назад Иван обмолвился, что они с Татьяной подыскивают деревенский дом с землей под дачу. И Рита почувствовала в словах друга скрытую просьбу продать им ее запущенное хозяйство. В тот вечер она ничего не ответила, сделала вид, будто пропустила слова Ивана мимо ушей. Но всю ночь не спала, думала, взвешивала, сомневалась, решала. За участок можно было бы выручить куда больше денег, если бы она выставила его на продажу: взять настоящую стоимость с друзей у нее рука не поднимется. Но Иван ей виделся идеальным покупателем. В его хозяйственных руках ржавый гвоздь становился золотым. И знакомы они с детства: их мамы были когда-то близкими подругами, более того, мама Риты крестила Ивана. Рита давно привыкла считать друга все равно что братом. К утру она приняла твердое решение продать дом именно ему. Иван обрадовался, а Татьяна и вовсе прослезилась. Правда, спор вышел из-за того, что Иван никак не соглашался с той низкой ценой, чисто символической, которую Рита запросила. «Да ты знаешь, сколько земля в тех местах стоит?!» – кричал он, а Татьяна робко вставляла, что они заплатят Рите за участок столько, сколько он на самом деле стоит. Долго спорили, но в итоге Рита настояла на своем и взяла с Ивана обещание возродить к жизни дом. «Можешь не сомневаться», – заверил он ее и добавил, что частью выращенного урожая будет делиться с нею и Ликой. На том и порешили.

И вот Иван, спустя полтора года после того разговора, торжественно вез Риту и Лику в деревню показать, что ему удалось сделать.

Воспоминания Риты прервал звонок на мобильный Ивана. Продолжая одной рукой удерживать руль, парень вытащил телефон из кармана джинсов и ответил:

– Олег, вы уже на месте?..

Услышав имя, Рита вздрогнула и впила взгляд в затылок друга: это что же получается, Олег тоже будет?! Иван ничего не сказал ей про Олега! От захлестнувшей паники закружилась

голова, а к лицу прилила кровь. Рита напряженно вслушивалась в разговор, надеясь, что все же ошиблась.

– Ага, там, на выезде из города возле шашлычной… Мы скоро будем! – продолжал жизнерадостно вещать в мобильный Иван. – Ага, давай… Ну, до скорого!

Славный Слава и Олег. Вот уж шоу так шоу. К панике примешалось раздражение не только на виновного в таком «сценарии» Ивана, но и на пока еще незнакомого Вячеслава. Хоть он и был виноват лишь в том, что его тоже поставили на шахматную доску для партии, разыгрываемой не столько для них, сколько для зрителей. Шах и мат – им обоим. И если не обоим, то Рите уж точно.

Немедленно выпрыгнуть из мчавшейся по шоссе машины и отправиться домой пешком!

И, как назло, в голову полезли назойливые, как комариное зудение, мысли об Олеге. Когда они виделись в последний раз? Рита мысленно отсчитала время назад от настоящего дня до дня рождения Ивана: полгода. Полгода они не виделись. И нельзя сказать, что воспоминания за это время поблекли, так, покрылись тонким налетом пыли, который легко смахнет предстоящая встреча. Как бывало уже не раз: каждая редкая встреча с Олегом заполняла выцветающие мысли о нем свежими красками – увы, в гамме холодных тонов. Олег сам выбрал такую палитру и строго ее придерживался. На робкие Ритины попытки добавить в их отношения немного теплых оттенков отвечал либо прохладной фразой, либо выстуживающим сердце равнодушным взглядом. Даже его иронично-снисходительная улыбка, от которой Рите всего лишь на мгновение становилось жарко, обдавала ледяным ветром…

– Рит, ты куда пропала? – оглянулась Татьяна. И смешинки в ее янтарных глазах говорили о том, что, похоже, Рита пропустила вопрос, адресованный ей. Или даже не один. Да еще сестра так красноречиво усмехнулась, будто прочитала мысли Риты и поняла, «куда» она «пропала». Рита никогда не разговаривала с Ликой об Олеге, но у той оказался удивительно острый нюх на сердечные дела: она еще пять лет назад, хоть и была двенадцатилетней девочкой, поняла, что у старшей сестры случилось что-то серьезное на личном фронте. Счастье одновременно с трагедией. А потом Лика сама вычислила виновника. В тот год, ближе к его финалу, у них умерла бабушка. И хоть Рита изначально не собиралась уходить в новогоднюю ночь из дома, поддалась на уговоры Ивана и его молодой жены Татьяны провести праздник у них. Рита взяла с собой Лику. А в гостях у Ивана оказался Олег. Тоже не один, а с очередной пассией. Впрочем, то, что он был не один, не удивило: его девушки менялись с такой регулярностью, что Рита перестала запоминать их имена. Кочевник. Что еще скажешь… «Ты это по нему так сохнешь?» – спросила тогда Лика, когда они под утро возвращались домой. «По кому?» – встрепенулась Рита и так глянула на сестру, что та, хоть и была неробкого десятка, неожиданно смутилась, словно вскрыли ее шкатулку с тщательно оберегаемым сердечным секретом. «Ну… по этому длинноволосому», – предприняла вторую попытку разговорить сестру Лика. Рита ничего не ответила, промолчала так строго, «по-учительски», что сестра отстала с расспросами.

– Никуда я не пропала. Здесь сижу. Куда я денусь из машины? Так, просто задумалась, – нарочито бодро ответила Рита Татьяне.

– Выкинь все мысли о школе из головы, мы едем отдыхать! – весело отозвался Иван и торжественно объявил: – Остановка!

И прежде чем машина успела остановиться, Рита увидела в окно синий «Сааб» Олега и его самого, курившего неподалеку от машины в обществе миниатюрной блондинки. Одета девушка была в какие-то совершенно не предназначенные для дачи и раннего мая мини-тряпочки – шортики и открывающий пупок топик, на который сверху была накинута короткая бежевая курточка. На стройных ногах нимфы красовались высокие сапоги. И этим стилем одежды, развевающимися на ветру выбеленными длинными волосами, сложным макияжем девушка напоминала какую-то певицу, на чей клип Рита недавно наткнулась на одном канале. Впрочем, все те певички из телевизора были похожи друг на друга, так же как и девушки Олега.

И не блондинистой мастью и миниатюрностью (Рита за эти пять лет видела в его обществе брюнеток и рыжих, длинноволосых и со стрижками «под мальчика», миниатюрных и модельного роста девушек), а «отполированностью», кукольным взглядом, ненатуральной игрой плохих актрис. Хотя, возможно, это просто предвзятый взгляд Риты на армию счастливых соперниц, сумевших удержать рядом с собой Олега пусть и не на долгую-долгую жизнь, но больше чем на одну ночь. Что-то же ведь находил он в них – в этих озабоченных лишь своим внешним видом девушках. Из года в год наблюдая сменяющихся спутниц Олега, Рита недоумевала, каким же образом она, совершенно простая, втесалась в узкую щель частокола отлитых из одной формы на гламурной фабрике девушек Олега. Рита не причисляла себя к красавицам, напротив, ее внешность была самой что ни на есть обыкновенной. Тонкие темно-русые волосы, едва достающие ей до плеч и никак не желающие лежать так, как их старалась уложить хозяйка, поэтому вечно пребывающие в состоянии легкого беспорядка. Лицо у Риты симпатичное, но совершенно не тех типажей, которые возводят в культ глянцевые журналы. Обычные черты с присущей ей славянской мягкостью. Роста Рита была среднего. И вес ее тоже попадал под мерки среднего: ни анорексичная модельная худоба, ни приятная «булочная» мягкость. Самая что ни на есть обыкновенная девушка, милой, в общем-то, внешности, но не яркой.

Иван припарковал машину на обочине так, что дверь, возле которой сидела Рита, оказалась рядом с Олегом. И когда тот, наклонившись, шутливо постучал пальцем в ее окно, создалось впечатление, будто приветствовал он Риту, а не всех сидящих в машине. Обманчивое впечатление…

Иван распахнул дверь, выскочил на улицу и подошел к другу с широкой улыбкой. Следом за мужем вышла из машины Татьяна. Рита тоже приоткрыла дверь, но засомневалась, выбираться ли из салона, чтобы поздороваться лично, или ограничиться кивком и приветливой улыбкой через стекло.

– Нам тоже выходить? – недовольным тоном спросила Лика.

– Необязательно, – бросила Рита и решилась. Если она выйдет из машины, чтобы поприветствовать Олега и его спутницу, этим даст понять – и сестре и прежде всего себе, что этот мужчина стал ей просто хорошим знакомым, а все те чувства, какие она испытывала к нему, остались в прошлом. Но Лика предположила, что Рита все еще не утратила надежды втиснуться «не в свой размер» – завладеть вниманием равнодушного к ней парня. И, не одобряя действий сестры, фыркнула:

– Подумаешь, велика честь – выходить!

Взгляд Олега лишь на мгновение остановился на Рите, такой же мимолетной оказалась его улыбка, адресованная ей. Олег тут же вернулся к прерванному разговору с Иваном и Татьяной, а Рите осталось лишь молча стоять в сторонке. Понимая унизительность своего положения, она закипала от злости – на себя и на Лику из-за того, что та оказалась права. Почему младшая сестра в сердечных вопросах оказывается куда мудрее? Рита растерянно оглянулась на машину, ожидая увидеть там сияющее торжеством из-за своей правоты лицо сестры. Но, к счастью, Лика оказалась занята разговором с Павлом.

И что теперь делать? Продолжать унизительно стоять рядом, прислушиваясь к не касающемуся ее разговору, или вернуться в машину? Выскочила со своей щенячьей радостью и получила тапкой по физиономии… Не утешало и то, что спутница Олега, явно скучая, переминалась с ноги на ногу и нетерпеливо поглядывала в сторону «Сааба».

– Ну что, по машинам? – скомандовал к облегчению Риты Иван. – Олег, держись нас.

– Сколько еще пути? – деловито спросил тот, ловким щелчком отправляя докуренную до фильтра сигарету в стоявшую неподалеку мусорную урну. И жестом собственника положил своей спутнице руку на талию, как раз на ту голую, позолоченную в соляриях полоску кожи между топом и шортами.

– Час-полтора в зависимости от пробок, – сказал Иван. Что ответил Олег, Рита уже не услышала, так как скрылась в машине.

С горечью, но уже не полынной, как в былые времена, а кофейной, подумала о том, что Олег все так же хорош собой, как и в их первую встречу. Как и во все их встречи, отделенные друг от друга полугодовыми промежутками. Время идет его мужественной красоте на пользу, делая ее все выдержанней и крепче – как каждый год коллекционному вину. Рита видела Олега в разных образах – и в деловых костюмах, и в протертых джинсах и свитере с выпущенными петлями (смелый дизайнерский ход!), и в ярких рубахах, идеально идущих к его цыганским глазам. Олег одинаково гармонично чувствовал себя в любом амплуа: бизнесмен, студент, латинос, цыган-кочевник… Только одна роль ему никак не удавалась – роль хорошего парня.

Хорошие девочки любят плохих парней…

Сегодня он выбрал рокерский стиль: длинные волосы цвета воронова крыла завязаны в хвост, черная кожаная куртка надета на майку с изображением известной рок-группы, синие вытертые джинсы классического кроя, грубые ботинки с заклепками. Ему куда больше «Сааба», подходящего скорее менеджеру среднего звена, пошел бы мотоцикл. Как и ветер, целующий его в темные обветренные губы. Как и машинное масло на жилистых руках. Как и бандана, усмиряющая густые волосы. Как и длинноногая спутница в кожаной мини-юбке и «косухе», сидящая за его спиной.

– Ну, что я тебе говорила? – прошипела ей вдруг на ухо Лика, безжалостно возвращая из фантазий в реальность. – Нечего было и выходить.

– Молчи уж, – огрызнулась Рита.

– Я-то молчу, молчу… Не глупи, сестра. Зачем нам такой кентавр?

– Почему… кентавр? – удивилась Рита, и такое сравнение сестры разогнало тучи, набежавшие было на ее настроение.

Почти через полтора часа, покинув Московскую область, они наконец-то свернули с трассы на проселочную дорогу и, то подпрыгивая на ухабах, то ухая в ямы, въехали в притулившуюся с краю огромного распаханного поля деревню Сидоркино.

Деревня их встретила неухоженным «лицом»: полусгнившим срубом колодца и тремя почерневшими избами, глядевшими слепыми окнами с выбитыми ветром стеклами, косившимися друг к другу, будто ища поддержки. Рите невольно подумалось, что эти три дома похожи на трех старух, сгорбленных, кривых, беззубых, с испещренными морщинами-зарубками лицами, выбредших на поле в поисках свежего ветра, позабывшего дорогу в их угол. И ей стало тоскливо от мысли, что и их дом так же умирал. Удалось ли Ивану немного вдохнуть в него жизнь?

– Дыра, – прошипела ей на ухо Лика, так, чтобы не услышали ни Татьяна, ни Иван, который при виде деревни заметно оживился, распрямил плечи и даже засвистел себе под нос какой-то мотивчик. Если бы Рита могла видеть лицо друга, то обнаружила бы, что его ноздри затрепетали, словно у гончей собаки, почувствовавшей дичь. Городской житель, в душе – деревенский. Он тяготел к земле и наполненному лесными ароматами воздуху. Иван как-то обмолвился, что происходит из крестьянского рода, и гордился этим.

– Сто лет тут не была и еще бы столько не ездила, – продолжала шипеть ей на ухо младшенькая.

– А чего тогда за нами увязалась? – таким же шипением ответила ей Рита и покосилась на сидевших впереди друзей: слышат ли они их?

– Я?! – громко возмутилась Лика, но, опомнившись, понизила голос опять до шепота: – Ты же меня и потащила! Сидела я бы себе дома и бед бы не знала!

– Ну так возвращайся! – невозмутимо ответила на выпад Рита. – Прямо сейчас! Пешком.

Лика не стала огрызаться в этот раз, лишь фыркнула и отвернулась к Павлу, который за всю дорогу не проронил ни слова. Рита могла бы поклясться, что нервничал он, как на сложном экзамене. «Расслабься, Павлик!» – захотелось сказать ей и по-матерински потрепать парня по рыжему топорщащемуся на макушке вихру. Но она снова сдержала порыв, понимая, что тем самым еще больше смутит Павла. Ох, беда. Может, когда они с Ликой окончат школу, он будет чувствовать себя уверенней в обществе Риты, его уже бывшей учительницы?

Машина свернула на покрытую гравием дорогу и, оставив за собой покосившиеся избы, выехала на опрятную улицу, заключенную с обеих сторон, будто в рамочку, в стройные ряды берез, за которыми застенчиво, как невесты за фатой, прятались бревенчатые избы. Черный цвет еще не снесенных изб ярко контрастировал с белыми, в черных зарубках, березовыми стволами.

– Рояль, – вдруг шепнула Лика.

– Что? – не поняла Рита.

– Эта улица – как клавиатура рояля, не находишь?

Лика всегда отличалась воображением.

– Правда, рояль, – подтвердил, опережая Риту, Павел, который наконец-то отважился заговорить.

– Уже подъезжаем! – провозгласил Иван.

– Наконец-то, – скучным голосом ответила вредина Лика, будто не она только что восхищенно таращилась в окно и говорила про улицу-рояль. Рита мельком оглянулась назад, проверяя, не отстали ли Олег со спутницей. «Сааб» следовал на небольшом расстоянии.

По мере приближения к знакомому месту Ритой овладевало волнение, представлявшее собой сложный коктейль из ощущений. Подобную смесь чувств она испытывала, когда входила в палату к тяжело заболевшей бабушке: и страх увидеть любимого человека беспомощным в окружении аппаратов, и надежду разглядеть слабую улыбку на родном лице, и чувство вины за собственное бессилие, и желание малодушно сделать в последний момент шаг назад и уйти незамеченной. Вот и сейчас она не знала, что ее ожидает, во что превратился дом, в темных закутках которого прятались ее детские воспоминания. С одной стороны, она испытывала радость от того, что доверила дом хорошим рукам. Но, с другой, – ее глодало чувство вины, будто она предала не только дом, отказавшись от него, но и свои воспоминания.

Вспомнилось, как бабушка жаловалась, что здоровье у нее уже не то, чтобы поддерживать избу в приличном состоянии, но при этом на все предложения повзрослевшей Риты съездить в деревню и сделать там все, что в ее силах, отвечала категорическим отказом. «Ишь еще чего выдумала! – сердилась бабушка, когда старшая внучка настаивала на поездке. – В такую даль тебя одну не пущу!» Когда Рита предлагала съездить в компании с Иваном, находила другую причину, чтобы отказать: «Вдвоем с парнем тем более не пущу! Ну и што, што друг. Он – мужчина! И негоже молодой девке одной в компании молодого мужчины ездить куда попало и оставаться на ночь». И не переубедить было бабушку! Каждый раз она находила новые причины. И Рита сдавалась, хоть в душе протестовала против того, чтобы дом, в котором прошла часть ее детства, был брошен умирать в одиночестве. Но бабушка стояла насмерть. Последний раз они выезжали на каникулы в деревню в то лето, когда Лике исполнилось пять лет. Однажды за обедом младшая рассказала, что увидела на озере белого лебедя. Бабушка, доставшая в это время из буфета чистую тарелку, выронила ее на пол. Тарелка не разлетелась на осколки, а лениво развалилась на две почти ровные половины. «Хватит сочинять!» – рассердилась бабушка – то ли из-за тарелки, то ли потому, что слова младшей внучки встревожили ее. В бабушкиных глазах почему-то мелькнул страх. «Я не сочиняю!» – закричала Лика, с вызовом вздергивая подбородок. Девочка всегда отличалась патологической честностью. «Ну, раз не сочиняешь, то потрудись объяснить, милая моя, как ты в одиночестве оказалась на озере! Разве это не запрещено тебе?!» – закричала в гневе пожилая женщина. Губы Лики дрогнули,

она испуганно моргнула и разразилась рыданиями. Сестренка не выносила, когда на нее кричали. Бабушка торопливо выбросила осколки в мусорное ведро и бросилась к Лике, заключила ее в свои объятия, погладила натруженной, в мозолях и цыпках, ладонью по светлым волосам. «Ну-ну, не надо плакать», – уже мягким тоном проговорила она. И забормотала какие-то утешения, мягко уводя разговор в сторону. Рита, настороженно следящая за происходящим, сделала для себя вывод, что лебедь был и он почему-то напугал бабушку. А может, и не он – как может напугать мирная птица? А то, что Лика ослушалась и одна убежала к озеру. Но как бы там ни было, на следующий день они уехали из деревни и больше туда при жизни бабушки не возвращались.

– Приехали! – жизнерадостно провозгласила Татьяна, когда Иван остановил машину напротив знакомого сестрам места. Вытянув шею, Рита заметила, что друг снес старый полусгнивший деревянный забор и установил на его месте другой – из выкрашенных в зеленый цвет металлических столбов высотой в человеческий рост, между которыми была натянута мелкая сетка из толстой проволоки. Усыпанную гравием дорогу и забор, как и раньше, отделял земляной участок метра полтора шириной, густо заросший травой.

Иван, не заглушив двигателя, вышел на улицу и направился к воротам.

– Еще много чего предстоит сделать, – вздохнула Татьяна, глядя в окно на участок. – Забор этот временный, потом поставим другой. Землей пока тоже не занимались, только домом. Но когда смогу, разобью огород, засажу овощами. Посадим деревья, цветы. Иван собирается выстроить новый сарай, каменный.

– А зачем вам огород? – перебила Таню Лика. – Все равно живете далеко, не наездитесь работать на нем.

– Так овощи свои же, чистые, без нитратов. Зелень, – улыбнулась Таня, оглядываясь на сестер. – И мы планируем жить здесь летом. Иван, конечно, работает, будет приезжать на выходные, а я с маленьким и с моей мамой, которая будет мне помогать, поселюсь здесь на все лето. Это же какая красота: свежий воздух, тишина, покой…

– Комары, антисанитария, скукотища, – пробубнила себе под нос Лика, но Татьяна ее не услышала, погладив выпирающий живот, продолжала мечтать:

– Буду прогуливаться с колясочкой тут, а не по загазованной Москве.

Иван вернулся за руль. Машина, съехав с гравия на заросшую травой землю, чуть накренилась влево, наехав колесом на какую-то кочку. И все в машине дружно ойкнули.

Иван припарковался перед домом так, чтобы осталось место еще для двух машин. Следом за ним во двор въехал и Олег.

– Ну вот, добро пожаловать! – громко провозгласил друг, распахивая перед Ритой, как перед дорогой гостьей, дверь машины.

Девушка ступила на землю и огляделась.

Участок перед фасадом избы был засыпан, как и дорога, гравием, а перед верандой утоптан до земли, остальная же территория заросла травой с проглядывающими сквозь зелень белыми и розовыми головками клевера и желтыми – одуванчиков.

Сощурившись от солнца, Рита подняла глаза на бревенчатую избу. Сбоку к дому, поблескивавшему на солнце чисто вымытыми окнами, будто строгая учительница из прошлых веков – стеклышками пенсне, притулилась новая веранда, отделанная выкрашенной в ярко-желтый цвет вагонкой. И, возможно, из-за цвета или из-за размера – веранда доходила избе в высоту только до середины, казалась она цыпленком, выглядывающим из-под крыла наседки.

– Вот, терраску срубил, – перехватил взгляд Риты Иван. – Будет где по вечерам чай пить.

Рита промолчала, не зная, что ответить: Иван молодец, терраса была сделана на славу, но все же ей показалась чужеродной, лишней. Из-за кричащего ли цвета или потому, что в памяти Риты изба была без террасы.

– Не нравится? – огорчилась Татьяна, не увидев на лице подруги восторга.

– Я этого не говорю, – постаралась как можно сердечней, чтобы развеять все сомнения друзей, улыбнуться Рита. – Террасы как раз и не хватало.

– Дом мы покрасим, – добавил Иван, критичным взглядом хозяина окидывая избу. – Пока лишь занимались строительством террасы да ремонтом внутри дома, а другие работы оставили на потом. К тому же еще не решен коллективный вопрос, в какой цвет красить дома в поселке. Соседи предлагают, чтобы улица не выглядела слишком пестрой, придерживаться одной цветовой гаммы.

– Инкубатор, – фыркнула себе под нос Лика, но ее вдруг дернул за руку тихоня Павел и с таким укором посмотрел на подругу, что девушка прикусила язычок.

Чуть с опозданием из машины вышли Олег с подругой. Иван оглянулся на них и широким жестом окинул свои владения:

– Что вам первым делом показать? Дом или участок?

И сам себе же ответил:

– Пожалуй, дом, потому что на участке ничего интересного пока нет.

Он первым направился к крыльцу, и гости послушно двинулись вслед.

– С соседями уже познакомился? – поинтересовалась Рита. Лучше поддерживать разговор, чтобы не давать волнению раздуваться воздушным шаром в груди.

– Кое с кем, – ответил Иван, поднимаясь на террасу и доставая из кармана связку ключей.

– Места тут хорошие, пользуются спросом, – начала рассказывать за мужа Татьяна, обращаясь не столько к Рите, которой это было уже известно, сколько к Олегу и его спутнице. – Деревня почти вымерла: жители, если кто не ушел в мир иной, перебрались в города к детям, молодежь разъехалась еще в прошлом поколении. Но деревня теперь заживет новой жизнью: тут такое строительство развернулось на выкупленных участках! Если пройдетесь по другим улицам, увидите. Наша-то поскромней будет. Но тоже все участки, слышала, раскуплены под дачи. Да оно и понятно: из шумной Москвы сюда вырываешься будто в рай!

– Если в раю так же скучно, то я, пожалуй, в ад, – скривила нос Лика. – Там хоть с чертями можно весело зажечь.

– Боюсь, сбегут от тебя черти уже на следующий день, – парировала Рита. Но от дальнейшего спора с сестрой ее отвлек Иван, уже вставлявший в замочную скважину двери длинный ключ. Под барабанную дробь нервно ухающего сердца Рита вытянула шею, чтобы сразу же «войти» взглядом в, как она помнила, маленькую квадратную прихожую. Но в этот торжественный момент за их спинами раздался резкий автомобильный гудок.

– О, вот и Славка пожаловал! – обрадовался Иван. Оставив ключ в замке, он торопливо спустился с крыльца и направился к воротам, чтобы дать проехать на территорию дачи серебристому «Фольксвагену». Рита, не сдержав любопытства, оглянулась: как-никак, этого парня ей «сватали». Но ее взгляд неожиданно встретился со взглядом Олега, который хоть и стоял в обнимку со своей девушкой, но глядел почему-то на Риту. «Это случайность!» – поспешила уверить себя она, отводя глаза. Показалось ли ей, что губы Олега тронула чуть заметная усмешка?

А новоприбывший уже вышел из машины и обменивался рукопожатием с Иваном. Рита скользнула по Вячеславу коротким взглядом, стараясь не выдать своего любопытства, и успела отвернуться за мгновение до того, как встретиться взглядом с гостем.

1995 год. Ольга

Она думала, что ей удалось сбежать от них – нежитей с расплывчатыми пятнами вместо «лиц». Разорвав путы, разбив цепи, разрушив крепостную стену, она вырвалась на свободу, вдохнула полными легкими ее пьянящий воздух, расправила плечи, чувствуя, что за спиной

растут крылья. Свободна! Три дня не мучили они ее, не терзали ее тело, не сталкивали, хохоча, в бездну, не тасовали, как карты, мысли, не подчиняли себе ее волю. Они ушли, оставив ее обессиленной, но свободной. И на ее бледные щеки даже вернулся румянец.

Дверь тихо скрипнула, приоткрываясь, и в комнату робко, бочком, протиснулась девочка. То ли почувствовала, что может войти, то ли, напротив, пришла, встревоженная тишиной. Девочка глянула затравленно, как волчонок, и осталась стоять у входа, хоть губы Ольги, искусанные, в болячках, тронула улыбка. Эта девочка – единственное светлое, что у нее осталось, тот лучик, который проклевывался сквозь тучи, не позволяя полностью погрузиться во тьму. Ее солнышко, ее радость и ее беда. Ольга протянула к девочке руки, чтобы обнять, прижать к себе, уткнуться носом в пушистый, как головка одуванчика, затылок, вдохнуть барбарисовый запах детского шампуня, шепнуть, что все теперь будет в порядке. Как раньше. Но… девочка вдруг отшатнулась, и в ее светлых глазах мелькнул страх. Отшатнулась и замерла в двух шагах от Ольги, борясь с желанием броситься в объятия ставшей вдруг чужой женщины, пугавшей ее криками и буйствами. И все же остающейся ее мамой.

– Иди ко мне, – шепнула она девочке, не требовательно, а с мольбой. – Дай тебя обнять…

По ввалившимся щекам Ольги потекли слезы – настоящие, теплые, соленые. А не яд, которым травили ее бесы. Девочка глядела широко раскрытыми глазами – с недоумением и страхом, и вдруг ее взгляд озарился надеждой и любовью. Но в этот момент в комнату вполз еще один ребенок, только-только научившийся передвигаться на четвереньках. Это тоже была девочка, одетая в желтый комбинезон. Круглоголовая, с пухлыми щеками-яблоками, носом-пуговкой и большими синими глазами, с жадным любопытством изучавшими мир из-под сползшей на светлые брови вязанной из хлопчатобумажной нити шапочки Увидев женщину, малышка на мгновение замерла и, запрокинув голову, удивленно на нее посмотрела. А потом, улыбнувшись так, что продемонстрировала на нижней десне два зуба, поползла к Ольге. На какое-то мгновение на лице старшей девочки отразилось беспокойство и она сделала непроизвольно выпад вперед с вытянутыми руками, так, будто спешно желала взять малышку на руки. Но переборола себя. И, переведя взгляд с крохи опять на женщину, улыбнулась – просящей, совершенно не детской улыбкой. Но губы женщины вдруг приоткрылись, на лицо наползла тень, а в глазах вновь появился ужас.

– Нет! – с криком отшатнулась она от подползшей к ней малышки и, отбежав назад, прижалась поясницей к высокому подоконнику. – Уйди-уйди-уйди!

Она видела, как у старшей девочки задрожали губы в преддверии плача, как ее глаза наполнились слезами, но уже не могла избавиться от страшного видения. Кричала, мотала головой, била себя кулаками в грудь.

– Оля! Ольга! – в комнату ворвалась пожилая женщина. Ей ничего не нужно было объяснять, она и так все знала: быстро подхватила разразившуюся плачем малышку, сунула ее старшей девочке в руки и легонько вытолкнула ту за дверь. Затем бросилась к беснующейся.

– Не трогай меня, не трогай! – визжала Ольга. – Демоны! Демоны! Везде! Ты! Ты! Она! Она тоже!..

Резко откинувшись назад, молодая женщина стукнулась затылком о стекло, и от удара оно раскололось.

– Ольга, да что же ты!.. – взревела то ли гневно, то ли испуганно пожилая, прижимая дочь к себе по-мужски крепким объятием. Ей, столкнувшейся с таким горем, пришлось стать сильной – не только духом, но и физически.

– Успокойся, успокойся… – шептала женщина, сдерживая Ольгу и гладя ее ладонью по затылку. Смутно знакомое ощущение… Когда же она испытала подобное? Давно, очень давно… Когда была такой же девочкой, как ее дочь. И Ольга, доверившись этому ощущению, прильнула к женщине и вдохнула запах, едва уловимый, сладкий аромат выветрившихся духов,

смешанный с молочным запахом кожи, такой знакомый, так знакомый… Она уже готова была довериться и прикосновениям к затылку, и этому запаху, как вновь оказалась преданной.

В этом доме все, даже маленькая девочка, были обучены, что делать, когда Ольгой овладевали бесы. Ее дочь знала назубок номер, по которому стоило звонить. И даже уже разучилась плакать, вызывая к больной матери врачей. А когда бригада приезжала, молча уходила в комнату и запиралась там до тех пор, пока в доме не наступала тишина. Маленькая девочка, ее дочь, так же предала ее, как и все. Маленькая девочка, так стремительно повзрослевшая.

* * *

К полудню воздух прогрелся почти до летних температур. Пряный от ароматов трав, земли и едва уловимой горечи дыма от разводимых дачниками костров, он казался загустевшим. Желтое, как топленое масло, солнце незаметными мазками наносило на оголенные участки тел чайный загар: на смуглую, как у Олега и Ивана, кожу – оттенка заварки эрл грей, на светлую Риты и Лики – белого шоу мэй, и сжигало до цвета каркаде моментально обгорающую кожу рыжего Павла. По сатиновому небу вышивал самолет, оставляя за собой ровные белые стежки. Движения и желания вязли в сладкой и тягучей, как мед, лени. Сил хватило лишь на то, чтобы разобрать сумки с провизией. Высыпав из пахнущего свежей краской нутра избы во двор, все, за исключением хозяев, которые остались хлопотать на кухне, распластались прямо на траве за домом. Сощурившись от солнца, Рита окинула мимолетным, но цепким взглядом соседей. Дальше от всех расположился Олег со своей Дашей. Девушка избавилась от курточки и теперь подставляла солнцу глянцевые, покрытые ровным искусственным загаром плечики. Олег то и дело прикладывался губами, будто к горлышку бутылки с прохладной водой, то к скуле, то к плечу, то к шее девушки, при этом его длинные волосы, которые он успел распустить, каждый раз падали ему на лицо, скрывая и его профиль, и, целомудренно, сами поцелуи. Странно, но Рита не чувствовала уколов ревности, которую испытывала раньше, видя Олега с новой пассией. Может быть, смирилась, что этот мужчина никогда не станет ее. Может, просто привыкла видеть его каждый раз с новой спутницей. А может, время сгладило ее чувства, будто морская вода грани камней, лишая их остроты.

Неподалеку от Риты сидели Лика с Павлом. И насколько их невинный союз отличался от откровенно-показушного Олега и Даши! Павел старомодно держал Ликину ладонь в своей, не решаясь поцеловать девушку даже в щеку, а Лика свободной рукой поглаживала парня по рыжему затылку. И было в ее невинных ласках столько и любви, и материнской заботы, и покровительства! Рита подумала, что эта детская любовь ее младшей сестры куда серьезней и глубже, чем уже давно перешедшие все границы отношения Олега и его подруги. «Девочка моя», – защемило у нее сердце одновременно и от того, что виделась ей младшая сестра все еще ребенком, и оттого, что внезапно наступило осознание – Лика стала взрослой.

Справа от нее, но тоже на расстоянии, полулежал, опираясь на локти, Вячеслав и лениво пожевывал травинку. Иногда он бросал короткие взгляды в сторону Риты, но не заговаривал с девушкой. Один раз, встретившись с нею глазами, заговорщицки подмигнул, но промолчал. Возможно, Рите стоило бы обидеться. Слава вроде как предназначался ей в кавалеры, но он не демонстрировал интереса к ней. Однако Рита совсем не чувствовала себя уязвленной, напротив, даже радовалась: от мысли, что ради завязывания знакомства нужно продираться через частокол «программных» вопросов о детстве, работе, интересах, сводило челюсти, как от незрелой антоновки. Возможно, к завязыванию отношений она относилась без энтузиазма не столько потому, что где-то в глубине обиженного сердца продолжала испытывать чувства к другому мужчине, сколько из-за аллергической реакции на обязательную «биографическую» часть. И это касалось не только знакомства с противоположным полом. Всю жизнь Рита старалась обходить, как болотистые места, вопросы, которые стороннему человеку казались бы

невинными и простыми. Она хорошо запомнила из детства сочувствующие взгляды соседей, их перешептывания за спиной, нарочито взвешенное обращение к ней посторонних людей – тех же соседей, бабушкиных подруг, учителей в школе. С ней общались вроде бы и бережно, с сочувствием, но за спиной в подробностях смаковали их семейную ситуацию, охали, осуждали, жаждали подробностей. Ей не нравились расспросы еще и потому, что приходилось как-то изворачиваться и врать, а говорить неправду – нехорошо. Но куда хуже для Риты, чем лгать, было натыкаться либо на новые расспросы, цепную реакцию которых запускали ее ответы, либо на раздражающие с детства сочувственные взгляды. Поэтому не было у нее задушевных подруг, с которыми делятся самым сокровенным. Близкими друзьями оставались Иван и Татьяна, которым уже не нужно было рассказывать о себе и которые никогда не занимались душевными раскопками – довольствовались тем, что лежало на виду. Рита ненавидела анкеты и до сих пор не оформила заграничный паспорт именно из-за этого. Ее, единственную в классе, не коснулась мода на тетради-вопросники – ими с энтузиазмом обменивались все одноклассницы. Она никогда не заполняла формы на сайтах знакомств, хоть пару раз ее посетила мысль пообщаться с кем-нибудь по Интернету – в моменты душевного раздрая после случайных встреч с Олегом на каком-нибудь празднике. Как-то Иван попенял, что Рита живет как улитка – таскает повсюду за собой свою раковину и прячется в ней даже от лучей солнца. «У меня достаточно общения», – возразила девушка и не соврала: за день в школе она успевала так наговориться, что к вечеру ей хотелось лишь отшельнического уединения. Если она и ходила в кино, театры и на выставки, то одна, а иногда с сестрой. В конце концов, у нее есть Лика! «Лика выросла», – сказал тогда Иван так, будто одним решительным ударом забил гвоздь. Рите показалось, что забит был гвоздь не в стену, а в ее сердце. Она беззащитно и одновременно с надеждой посмотрела на друга, ожидая, что тот рассмеется и скажет, что пошутил, но наткнулась на нахмуренные брови, безжалостный взгляд и поджатые в тонкую линию губы. Иван не шутил. Тогда она заспорила с ним, стараясь убедить не столько его, сколько себя в том, что Лика еще ребенок: ей нужно заканчивать школу, поступать в университет, а потом… «Лика выросла, – вновь припечатал Иван. – Ты можешь ее поддерживать, подставляя плечо, но не вести уже за руку». Рита тогда замолчала, и согласная, и не согласная с Иваном. И вот сейчас, глядя на сестру, беззаботно жмурившуюся и от солнца, и от удовольствия, получаемого от общества любимого человека, поняла – да, Лика выросла.

– Хочешь выпить чего-нибудь прохладительного? – раздалось вдруг рядом. Подняв глаза, Рита увидела стоявшего над ней Вячеслава.

– Нет, спасибо, – смягчила она отказ улыбкой. Нельзя сказать, что парень совсем ей не понравился. Он был невысок, но хорошо сложен (Рита успела оценить в три украдкой брошенных в его сторону взгляда крепкий торс, обтянутый светло-синей футболкой, и ширину плеч). Лицо приятное, но совершенно не во вкусе Риты. Ей нравились хищные профили, а черты Вячеслава были мягкими, будто вырисованными женской рукой. Падающую на глаза длинную пшеничную челку он убирал не рукой, как можно было ожидать, и не франтоватым встряхиванием головы, как персонаж Миронова в «Бриллиантовой руке», а сдувал, как мальчишка. И это почему-то понравилось Рите. Иван сказал, что Вячеславу тридцать лет, но выглядел он куда моложе, и даже собирающиеся в лучики морщинки возле глаз, когда он улыбался, не прибавляли ему возраста.

Рита ожидала, что Слава, получив отказ, повернется и скроется в доме, но он вдруг опустился рядом с ней на траву и вытянул обтянутые светлыми джинсами ноги.

– Это твоя сестра? – кивнул он на Лику.

– Да, – ответила Рита, с тоской подумав, что вот, начинается так ненавистная ей «анкетная» часть. Вопросы-ответы о работе-хобби-семье – ради того, чтобы поддерживать видимость общения и продемонстрировать интерес к разговору. Впрочем, плюс знакомств, состряпанных друзьями, очевиден – часть твоей биографии эти сводники уже поведали «жениху» заранее.

Минус – вежливых разговоров о работе-семье-хобби все равно не избежать, «объект» будет прощупывать почву в поисках темы, интересной обоим.

И по тому, что Слава развернулся к ней, стало понятно – хочет задать и другие вопросы. Но тут из дома вышел Иван и зычно гаркнул:

– Айда на озеро!

Клич был воспринят с энтузиазмом. Не раз прибегающий на помощь Иван вновь выручил Риту. Правда, порадоваться она не успела. Несмотря на слабые протесты, друзья определили Риту в машину Славы. Лика с Павлом поехали, как и раньше, с Иваном и Татьяной. Машина Олега замыкала кортеж.

Но, к счастью, опасения Риты не оправдались: ее новый знакомый не стал задавать вопросов, так не любимых ею. Он принялся делиться впечатлениями о последней книжной новинке, недавно прочитанной. И хоть Рита не могла поддержать разговор в силу того, что автор ей знаком не был, но слушала она рассказ Вячеслава с интересом. Тот сумел так преподнести сюжет, так расхвалить стиль автора, что Рита выразила искреннее желание купить книгу как можно скорей. Но когда она поблагодарила парня за рекомендацию и искренне восхитилась его рассказом, Вячеслав рассмеялся:

– Умело рекомендовать – моя работа. Я работаю в пиар-отделе. Так что продвигать товар напрактиковался.

Помолчав недолго, с улыбкой добавил:

– Правда, книгу я тебе не «продвигал», а просто советовал. Она не имеет никакого отношения к товарам нашей компании. Просто хороший автор. Почитай, возможно, тебе тоже понравится.

Решив, что он не собирается задавать вопросов о ее жизни, Рита расслабилась и успокоилась. А зря. В тот момент, когда она уже не ожидала, Слава спросил:

– Это правда, что дом Ивана раньше принадлежал тебе?

Она вздрогнула и, заморгав, словно в глаз попала соринка, молча кивнула. И после недолгой заминки все же ответила. Кратко, не вдаваясь в подробности:

– В нем когда-то жила моя бабушка. Потом она умерла, и дом стоял в запустении. У меня не было возможности им заниматься. А тут Иван стал подыскивать дачу и уговорил продать участок ему.

– Угу, – с пониманием ответил Слава. Любопытство его, похоже, было удовлетворено, и он больше не стал задавать вопросов. Оставшиеся пять минут дороги они ехали молча. Рита думала о том, что правильно поступила, продав дом другу. Хозяйственный Иван вдохнул в умирающий дом жизнь, отремонтировал его, да еще сделал все возможное, чтобы перемены не слишком были заметны для бывшей хозяйки. Осматривая дом, Рита в первый момент подумала, что Иван ограничился косметическим ремонтом: покрасил стены, заменил розетки, заново покрыл лаком стертые половицы, но ничего не тронул в планировке. Хотя из оброненных ранее фраз Рита делала выводы, что друг затеял куда более глобальные перемены, чем просто ремонт. Но количество комнат осталось прежним. Две одинакового размера спальни располагались симметрично, словно крылья самолета, по обе стороны от большой центральной комнаты. Из гостиной вел узкий коридор в квадратную прихожую, откуда можно было попасть в кухню и маленькую ванную комнату.

Внутри все еще слабо пахло краской и лаком. Отмытые окна казались прозревшими, солнечный свет проходил сквозь них беспрепятственно и ложился сочно-желтыми пятнами на лакированный пол. Дом ожил еще и стараниями Татьяны: на окнах висели белоснежные тюлевые занавески, на поверхностях оказались разложены ажурные салфетки, в вазочках стояли свежие цветы. Рита, когда увидела обстановку, почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы: все это было предназначено для нее, потому что так было раньше. Бабушка сама вывязывала крючком салфетки, любила расставлять в вазах полевые или садовые цветы. В квартире

Татьяны все было чисто и опрятно, но не наблюдалось ни старомодных салфеток, ни тюлевых занавесок. В своем жилище Таня обставила все со вкусом, но в современном стиле: евроокна с жалюзи, паркет с подогревом, вместо живых цветов – цветы на фотокартинах. Видимо, Иван, который в детстве бывал в доме Ритиной бабушки, рассказал жене, и та расстаралась ради подруги. Как трогательно…

Риту ожидал еще один сюрприз: из чердака, раньше занимавшего всю площадь под крышей, Иван соорудил второй этаж со спальней и кладовой. И Рита, увидев это новшество, поняла, к чему относились разговоры о перестройке.

Все то время, пока друг показывал дом, девушка не могла отделаться от ощущения, будто ей тяжелой ладонью властно лег на затылок чей-то взгляд. Пару раз оглянувшись, она и правда встретилась глазами с Олегом. Парень тут же отворачивался. Но едва Рита оказывалась к нему спиной, как вновь ощущала пристальный взгляд, от которого ей становилось уже не столько радостно, сколько неуютно. Ее любовь отцвела и опала осенними листьями. Остался лишь фантом.

Ни к чему эти взгляды… Ни к чему мысли. Но…

Ох, Иван, знал бы ты, какую абсурдную, идущую вопреки правилам, партию ты затеял…

* * *

Шкатулка, запертая на какой-то хитрый невидимый замок, не желала открываться. Бился он, бился, пытаясь найти ту секретную пружину, тронув которую сумел бы добраться до тайны, но что-то все же делал не так. То ли по неверному следу шел, то ли не смог правильно сложить разрозненную информацию в логическую цепочку, то ли ему все еще недоставало каких-то звеньев.

И все же необходимо решить эту головоломку. Казалось, пойми он, что тогда, почти три года назад, произошло, стало бы легче. Немного, ненадолго, но легче.

Михаил поднялся с травы и, повернувшись спиной к безмятежной глади озера спиной, принялся натягивать джинсы прямо на мокрые ноги.

Безумие, безумие… Мало ли было в его жизни безумия в тот страшный год? Мало ли его и сейчас? Иногда кажется, что он уже давно и прочно сошел с ума. А иногда – что, наоборот, сумасшедшим стал мир, а он единственный остался в своем уме – как проклятый. Михаил застегнул пряжку ремня и поднял с травы футболку, но не надел ее, а перекинул через влажное плечо. Потоптался на месте, будто не зная, чем заняться дальше, и вновь присел на траву, вытягивая длинные ноги. Прищурившись, окинул взглядом зеркальную поверхность озера – так, будто не доверял ей, но подыгрывал. Для купания, конечно, время еще раннее, хоть день и выдался жарким, почти как в июле. Но находятся безумцы, готовые купаться и так рано – дачники, налетевшие, как саранча, из столицы на майские праздники. Он тоже такой же сумасшедший. Правда, купание не принесло никакого удовольствия, напротив, погружение в озеро внушило такое отвращение, будто окунулся Михаил в сточный колодец. Хоть вода и казалась чистой.

И вновь, как бывало каждый раз, когда он глядел на озеро, тяжелым камнем навалилась тоска. Сердце словно замедлило ритм, в пальцах возникло неприятное покалывание, а в голове зашумело. Михаил не стал дожидаться, когда ему станет хуже, рывком поднялся, натянул футболку и отправился прочь. Однажды он засиделся перед озером, связанный, будто путами, тоской, и едва не потерял сознание. Он, крепкий здоровый мужик… Отслуживший в десантных войсках, занимавшийся экстремальными видами спорта, оказался бессилен перед страшными воспоминаниями, которые не сотрут из его памяти ни связи с женщинами, ни водка, ни опасные увлечения, ни шумные праздники. Он перепробовал, казалось, все. И даже когда сам находился на границе двух миров, то погружаясь в беспамятство, то выныривая на поверх-

ность жестокой реальности, не мог избавиться от страшных видений. Не боль его мучила, а то и дело встающие перед глазами жуткие картины. Он не цеплялся тогда за жизнь, напротив, когда приходил в себя, испытывал разочарование и желал лишь одного – избавления. Не от боли, не от жара, а от воспоминаний.

Но, видимо, не судьба. Выжил.

С тех пор надумал себе, что легче ему станет, если он разгадает тайну. Если поймет, почему так происходит. И, главное, узнает, как остановить это…

* * *

Озеро, прозванное в народе Лебяжьим, имело форму запятой, широкую асимметричную «голову» которой обрамлял воротник леса, а длинный узкий «хвост» распластался между двумя огромными кляксами лугов. Напротив того места, где «хвост» соединялся с «головой» и небольшой край берега вдавался в озеро, образовался маленький пляжный участок. Здесь берег, плавно уходящий в воду, был не поросшим травой, а песчаным.

Лика первая сбросила кроссовки. Тронув босой ногой воду цвета слюды, она ойкнула и отскочила, будто наступила на раскаленный камень.

– Холодная какая! – объявила девушка с таким возмущением, словно всерьез ожидала, что в первые майские дни вода окажется прогретой солнцем, как в жарком июле.

– Есть смельчаки, желающие окунуться? – азартно провозгласил Иван.

– Ваня, с ума сошел? – испуганно окликнула его Татьяна и погладила себя по выпирающему животу. – Вода ледяная! Еще заболеешь…

– Не заболею, – заспорил ее муж и, показывая упрямый характер, который проявлялся не так уж часто, лишь в мальчишеских выходках, сдернул с себя футболку. Его примеру тут же последовал Олег, который, без сомнений, относил себя к смелым и азартным. Любой вызов он принимал со снисходительной усмешкой, расцветавшей на его порочных губах цветком греха. И пока Иван спорил с Татьяной, с разбега первым вбежал в воду.

– Сумасшедший, – воскликнула Татьяна, то ли имея в виду Олега, который быстрым кролем устремился к середине озера, то ли пробовавшего босой ногой воду мужа.

– Олежек, осторожно! – не столько с беспокойством, сколько с восхищением воскликнула Даша. Подбежала к самой кромке озера, но, коснувшись холодной воды, с визгом отскочила:

– Хо-олодно как!

– Говорю же, безумцы! – проворчала Татьяна, провожая недовольным взглядом направляющегося к воде мужа.

– А ты куда? – раздалось вдруг за спиной Риты. Оглянувшись, она увидела, что Лика стоит перед Павлом, уперев руки в бока, будто строгая жена, выговаривающая муженьку за провинность. Парень, подражая старшим, уже стянул с себя рубашку и теперь нерешительно мял ее в руках.

– Так купаться, – неуверенно произнес он и покраснел.

– Так холодно, – передразнила его интонации Лика и уже другим голосом – строгой матери – сказала:

– А если ты с воспалением легких свалишься? А у нас экзамены на носу!

Удивительно, Павел послушался и молча оделся. Рита, скрывая улыбку, отвернулась: похоже, в отношениях будет доминировать Лика. Может, и выбрала она себе в спутники такого стеснительного парня, потому что любит верховодить?

Неожиданно она поймала взгляд Славы, с улыбкой наблюдающего за сценой. В отличие от остальных мужчин, он не предпринял попытки искупаться в озере. Просто сразу опустился на лужайку, сунул в зубы сорванную травинку и теперь ее лениво пожевывал.

– Боевая у тебя сестрица! – весело сказал он Рите. Ответить девушка не успела, потому что Слава уже махнул рукой куда-то в сторону:

– Смотри, что это?

Рита посмотрела туда, куда указывал парень, но не поняла, что он имел в виду. То, что Олег уже доплыл до середины озера и теперь возвращался обратно? Или то, что Иван почти догнал его? Или имел в виду Дашу, которая в сторонке, изящно опустившись на подстеленную курточку, будто Ассоль в ожидании корабля с алыми парусами, преданно высматривала Олега? Или Татьяну, которая, сложив руки рупором, кричала Ивану, чтобы он поворачивал назад?

– Вон там, на том берегу, – пояснил Слава.

– Похоже на туман…

В хвостовой части «запятой» озера, над водой поднимался туман. Но был он распределен не равномерно по поверхности, а сгустился на небольшом участке. И оказался таким плотным, что ничего за ним уже не просматривалось.

– Туман не туман… Может, дым? – предположил Слава и даже встал на ноги, чтобы лучше разглядеть.

– Дым бы поднимался к небу столбом. Мне кажется, это туман… Или какой-то сгусток…

– И формы интересной…

Рита только сейчас обратила внимание на то, что «туман», или что это еще было, и правда очертаниями напоминал гигантского лебедя.

Они еще гадали над происхождением странного сгустка, когда за их спинами вдруг раздался громкий и властный голос:

– Эй!

На лужайке, чуть поодаль от их машин, стоял полицейский «уазик» с мигалкой на крыше. В приоткрытое окно свирепо пялился плохо выбритый мужик в форменной рубашке с расстегнутым воротом.

– А ну мотайте отсюда! – гаркнул полицейский. – Здесь запрещено купаться!

– А где запрещающий знак? – елейным голосом спросил Олег, который как раз успел доплыть до берега и, выйдя из воды, направился к «уазику» нарочито лениво, давая понять, что ни мигалка, ни форма, ни звериное выражение лица мужика на него страху не нагнали.

– Натягивай портки и дуй отсюда, – проигнорировал его вопрос страж порядка. – Если не хочешь пузом кверху всплыть. Купаться запрещено, и точка!

– А мы не купаемся, мы просто… отдыхаем! – поддержала бойфренда осмелевшая Даша. Мужик смерил ее коротким взглядом и вновь сурово рявкнул:

– Отдыхать тут тоже запрещено! Минута вам на сборы. Или вызываю отряд.

– Не имеете права, – ринулся в атаку Олег. Сзади на него зашикали. Даша предусмотрительно, опасаясь, что ее друг нарвется на крупные неприятности, взяла его за голый локоть и тихонько потянула назад:

– Пойдем, Олег. Нельзя, значит, нельзя…

– Я еще посмотрю, почему нельзя! Где это сказано, что нельзя? Ни знака, ни ограждения, – громко заявил Олег и с видимой неохотой, сердито хмуря угольные брови, принялся натягивать джинсы.

Под свирепым взглядом полицейского прошествовали к машинам. Чувствовали себя все так неуютно, будто их застукали в чужом саду ворующими яблоки. Мужик в форме не спускал с них взгляда, переводя его с одного на другого так, будто водил нацеленным пистолетом. Видно было, что этот небритый полицейский в натянувшейся на его мощной груди форменной рубашке с не сходившимся на бычьей шее воротом перепалок не терпит. Его взгляд то и дело возвращался к Олегу, и тогда в светлых, неопределенного цвета глазах возникало сожаление: полицейский не простил выскочке спора и явно боролся с желанием показать этому задиристому хлыщу, правильно указавшему на отсутствие запрещающего знака, свое превосходство.

«Уазик», тихо шурша шинами по траве, проводил кортеж из машин до дачного поселка, как будто полицейский опасался, что молодежь ослушается и повернет к озеру.

– У, как тут все серьезно, – обронила Лика, лишь только все вышли из машин на территории дачи. – Чего это нас прогнали?

– Я с этим еще разберусь, – процедил Олег. – Выясню, на каких правах.

– В прошлом году вроде кто-то утонул, – припомнил Иван. – Может, запрет на купание связан с тем, что в озере есть какой-то опасный омут?

– Тогда должны были поставить знак! – не успокаивался раздосадованный Олег.

Но спор не разгорелся – пора было заниматься подготовкой к обеду.

1965 год. Ольга

Ах, как умеет рассказывать диковинные истории старая Лукерья! Слава рассказчицы не ограничивалась лишь их деревенькой, гуляла по окрестным, созывая любопытных ребятишек, а то и взрослых, на летние вечерки к Лукерье. Собирались во дворе у старухи, садились кто на завалинку, кто на деревянные ступени крыльца, кто прямо на примятую траву перед покрытой тряпичным ковриком лавкой. И ждали. Хозяйка выходила из дома степенно, будто царица, спускалась, постукивая посохом по ступеням, и усаживалась на лавку так величественно, будто на трон. Страху нагнетал уже один вид старухи: скрюченная и высохшая, что старое дерево, с темным, будто кора, лицом и огромной бородавкой в уголке рта с торчащими из нее длинными волосками. Лукерья складывала на коленях руки, похожие на лапы ворона, сцепляла в замок крючковатые пальцы с длинными желтыми ногтями. Сколько лет ей было, никто не знал, может, восемьдесят, а то и все сто. Но взгляд ее выцветших глаз был молодым, веселым и лукавым. Как и голос – медовым, ласковым, мягким. Голос не старухи, а молодухи. Если прикрыть глаза и только слушать, то легко можно вообразить, что рассказ ведет не похожая на ведьму старуха, а молодая красивая девка.

Лукерья окидывала всех хитрым взглядом и вопрошала:

– Ну, про что вести сказ?

Знала историй Лукерья тыщу. И одна диковинней другой. Слушать старуху было интересно. Знала она и про колдунов, и про змеев горынычей, и про утопленниц, и про молодую ведьму, перекидывающуюся в новолуние ночной птицей. И пусть в школе говорили, что подобные истории – это суеверия стариков, порожденные необразованностью, и нет на самом деле никакой нечисти. Умела Лукерья рассказывать так, что заслушивались не только ребятишки, но и взрослые. Страшно становилось до жути, собравшиеся жались друг к другу, охали, хватались за руки, но продолжали завороженно слушать. Сама ли выдумывала старуха истории или слышала от кого, но рассказы ее были наполнены подробностями настолько живыми, что любая, даже самая невероятная, небыль в изложении Лукерьи выглядела правдой. И возвращались потом по домам по темноте бегом, вздрагивая от каждого шороха. Боялись, вдруг встретится на дороге одноглазый колдун и проклянет, и скрючит тебя на всю оставшуюся жизнь! И визжали испуганно при виде старой кошки, перебегавшей из одного двора в другой, думая, что это деревенская ведьма обернулась ею. И мерещилось, как на высеребренном лунным светом лугу пляшут русалки.

Утром, конечно, «страшилки» уже казались выдумкой, над ними даже посмеивались: какие могут быть колдуны, когда на дворе – двадцатый век! Советская власть, пионеры и строительство коммунизма! Но едва наступал вечер, как опять собирались у Лукерьиного двора в надежде потешиться старухиными сказками.

– Деда моего вы бы послушали, – вздыхала Лукерья. – Вот уж он-то рассказчик был хоть куда! А я-то что…

Хитрила старуха: знала, что нет лучше ее рассказчицы.

– Так про што сказывать-то, а?

– Про колдуна, обернувшегося в седого кота!

– Про кикимору…

– Про… – слышался нестройный хор выкриков. Лукерья обводила разволновавшуюся толпу поблескивающими от возбуждения молодыми глазами, и сухие ее, все в трещинах и морщинах губы трогала улыбка. Хоть она и спрашивала, о чем вести рассказ, но редко шла на поводу у просящих и историю выбирала сама. Только если большинство сходилось в единодушной просьбе, тогда уступала.

– Сказывали старики, что в стародавние времена… – начинала она рассказ всегда одинаково.

Но в этот раз Лукерья вдруг глянула на темнеющее небо, сощурив подслеповато глаза. И, указав кривым длинным пальцем с торчащим нестриженым ногтем вверх, глубокомысленно произнесла:

– Сегодня работенки будет много у Хозяйки озера. Белую луну скрывает черная.

То, что луна на самом деле одна, а не две, возражать старухе не стали. Из ее рассказов знали, в старину считалось, будто на небе две луны – Белая, чей лик виден почти каждую ночь, и Черная, которая также ходит по небосводу, но не видна, потому как темнее самой кромешной тьмы. И когда Белая луна становится невидимой, наступает полнолуние Черной луны, закрывающей собой Белую.

– Сегодня – время Черной луны, открываются врата, и зло проходит в наш мир, – назидательно и даже чуть торжественно произнесла Лукерья.

Слушатели затаили дыхание, а старуха, бросив наживку, обвела всех смеющимся взглядом, пожевала губами и вновь обратилась к публике:

– А знаете вы, отчего это наше озеро так кличут?

И снова выдержала нужную паузу – недолгую, но достаточную, чтобы любопытство слушателей накалилось.

– А оттого, что в нем находятся те самые врата…

И Лукерья рассказала старинную легенду о вратах и о Хозяйке озера.

Сказывали старики, что давным-давно это озеро разделяло два мира – Явь, земной мир, где жили люди, и Навь – нижний, обитель духов и нечисти. Врата были открыты, и в Явь являлись из нижнего мира призраки, ночные кошмары, наваждения, болезни, несчастья, голод. Не было спасения людям, не было возможности закрыть те врата. Пока одна красная девица, потерявшая во время очередного мора почти всех родных и любимых, не обратилась к Солнцу с отчаянным призывом о помощи. Растопить тьму, избавить людей от мучений и страданий, подарить свет и надежду. «Я бы с радостью, – ответило Солнце. – Но с наступлением ночи мне должно уходить – так было и так будет всегда. А врата открываются лишь с наступлением тьмы. Обратись к моей сестре – Луне. Она приходит мне на смену ночью». Красавица послушалась Солнца и обратилась к Белой Луне. «Я помогу тебе, – ответила Луна. – Буду освещать землю, следить ночью за тем, чтобы врата оставались замкнутыми. Но когда Черная луна закрывает меня, в ту ночь мир погружается во тьму, и открываются врата в Навь». «Подари мне каплю твоего света, и я буду следить за тем, чтобы врата оставались закрытыми в черную ночь!» – воскликнула девушка. И Луна подарила, как девушка и просила, каплю серебристого света, который обратил красавицу в белого лебедя. С тех пор как Хозяйка озера в образе лебедя следит за тем, чтобы проход между мирами был закрыт, несчастья стали обходить эти места стороной. А вода получила славу целебной. Говаривали, если в безлунную ночь прийти к озеру, можно увидеть, как в середине плавает белый лебедь. Хозяйка. И лишь в полнолуние, когда Луна освещает ярко землю и врата остаются закрытыми, Дух девушки может выходить из тела лебедя и покидать озеро.

…Возвращалась маленькая Оля домой в задумчивости, вспоминая рассказ старухи и тот взгляд, который Лукерья то и дело бросала на девочку, будто рассказывала эту легенду специально для нее. Оле даже становилось не по себе, когда старуха выискивала ее взглядом и при этом улыбалась – как-то по-особенному, грустно и сочувственно. Но, может, улыбалась старуха своим мыслям, а взгляд ее блуждал по слушателям и останавливался на Оле потому, что сидела девочка прямо перед старухой. Конечно, все дело в этом… И все же ей было не по себе. Оля перевела взгляд на уже чернеющее небо, где в эту ночь и правда отсутствовала луна, и подумала, какая же это, наверное, страшная работа у Хозяйки озера… Страшная и сложная.

* * *

Уйдя с озера, Михаил не сразу отправился в деревню, а сделал еще большой крюк по краю вспаханного поля, не столько стремясь оставить за спиной озеро, сколько пытаясь отрешиться от тяжелых воспоминаний. Но они, будто тень, следовали за ним. И только когда он уже свернул на галечную дорогу, ведущую к дому, ему наконец-то удалось отвлечься от мрачных мыслей и погрузиться в другие воспоминания – счастливые.

…Тот февральский вечер выдался совсем уж сердитым и шумным, как изводящий родных капризами уставший от долгой жизни старик. С утра брюзжал порывистым ветром, к обеду проявлял характер, бросая в лица прохожих колючим снегом, к ночи разошелся вьюжной истерикой.

Михаил ехал с работы почти ночью. Сидя в пахнущем зеленым чаем салоне машины, предвкушал возвращение домой. Вот он во дворе оставит автомобиль кутаться в снежное одеяло, войдет в подъезд и, поднимаясь к квартире, еще с первого этажа услышит радостное повизгивание Лоты. Его верная девочка чувствовала хозяина, едва тот входил в подъезд. Он откроет дверь в пропахшую за день одиночеством Лоты квартиру и принесет с собой счастье. И пусть больше всего на свете ему будет хотеться разогреть вчерашний суп и неторопливо поужинать, он выведет Лоту гулять. И уже потом, после прогулки, наконец-то погрузится в долгожданный отдых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.